Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Рай Аронзона»

18.09.2024.

Петр Казарновский рассказывает о Леониде Аронзоне Photo © Antoine Cattin

Так в сокращенном виде звучит тема докторской диссертации, которую две недели назад защитил в Женевском университете учитель литературы из Санкт-Петербурга Петр Казарновский.

Ровно две недели назад автору этих строк выпало удовольствие присутствовать на защите докторской диссертации на русском отделении филологического факультета Женевского университета. Полностью тема выдвинутой на соискание ученой степени работы звучала так: «Отражение рая у Леонида Аронзона: поэтика созерцания». В роли соискателя выступал родившийся в 1969 году в Ленинграде Петр Алексеевич Казарновский – российский литературовед, литературный критик и поэт, исследователь русского авангарда, один из составителей (совместно с Ильёй Кукуем и Владимиром Эрлем) фундаментального двухтомного собрания произведений Леонида Львовича Аронзона, который вышел в 2006 году и был переиздан в 2018-м. Петр работает учителем русского языка и литературы в санкт-петербургской школе. Как выяснилось, монография Казарновского – первая научная работа об Аронзоне.

Признаюсь, я ничего не знала о Леониде Аронзоне, а потому заглянула в Википедию.

И выяснила, что был такой русский поэт, родившийся в 1939 году тоже в Ленинграде, где он окончил сначала 167-ю среднюю школу, а затем Ленинградский педагогический институт (сначала учился на биолого-почвенном факультете, затем перевёлся на филологический). Во время учёбы познакомился с будущей женой Ритой Моисеевной Пуришинской (1935-1983), с которой зарегистрировал брак 26 ноября 1958 года. В 1960 году провёл семь месяцев в больнице в связи с остеомиелитом ноги, после чего остался инвалидом. Преподавал в вечерней школе, для заработка писал сценарии научно-популярных фильмов. В 1960-1970 годах страдал тяжёлой депрессией. По официальной версии, застрелился из охотничьего ружья во время поездки по Средней Азии. Однако характер ранения, по результатам патологоанатомической экспертизы, свидетельствует о несчастном случае при неосторожном обращении с ружьём. Скончался в госпитале в Газалкенте, в Узбекистане. Возможно, именно этим объясняется то, что единственная страничка Аронзона в Википедии, помимо русской, - на узбекском языке.

Леонид Львович Аронзон (1939-1970)

Поприсутствовать на защите было не только очень познавательно, но и просто приятно: в мире такое творится, а тут рассуждают о поэте, да еще на русском языке. Не менее приятно было встретиться с Петром Казарновским – уже доктором наук! - на следующий день и спокойно поговорить.

Петр, прежде всего поздравляю Вас с присвоением докторской степени! Как родилась мысль защищаться в Женеве? Признана ли будет степень в России? Что она даст для дальнейшей карьеры?

Еще очень давно профессор Жан-Филипп Жаккар как-то сказал: «А почему бы тебе не защититься у меня?» И с 2016 года это тянулось. Я отвлекался на другие вещи, но последние четыре года занимался почти исключительно этой работой. Что касается дальнейшего, то я об этом не знаю и ничего не жду. Я даже не знаю, признаются ли у нас сегодня степени западных университетов, хотя раньше признавались.

В 1992 году Вы окончили филологический факультет Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена и защитили диплом о творчестве Леонида Аронзона. Как возникла тема? С чего началось Ваше знакомство с этим автором?

Дело в том, что в 1981 году я подружился с режиссером Максимом Якубсоном, который был вхож в дом вдовы Леонида Аронзона Маргариты Пуришинской – отец Максима был к тому времени на ней женат. Она уже сильно болела, у нее был порок сердца – наследие блокады, но в течение двух лет мне еще удалось с ней пообщаться. Вплоть до нулевых годов их дом почти не менялся внешне, да и по сей день в нем сохранился письменный стол, за которым работал Аронзон. А в восьмидесятых была еще ванная комната, переоборудованная под его кабинет: в доме постоянно были люди, и он периодически удалялся туда работать. У некоторых младших современников Леонида Львовича было даже немного завистливое отношение к этой квартире, именовавшейся «салоном Аронзона» – этот образ поддерживался еще и тем, что Аронзон и его жена по инвалидности не работали – в привычной для нас в форме, имеется в виду. В начале 1960-х его маме, известному хирургу, прошедшему войну, чудом удалось спасти его ногу от ампутации – в экспедиции он тяжело заболел, тогда и стал инвалидом. Ногу спасли, но в больницу ему с тех пор приходилось ложиться регулярно. Их дом был очень необычным для советского времени: я, по крайней мере, других таких не видал! И вот, когда в университете возник вопрос выбора темы, я подумал – а почему бы не взять Аронзона? В качестве научного руководителя меня «взял» Владимир Николаевич Альфонсов, у которого в свое время сам Аронзон защищал диплом по Николаю Заболоцкому. Вот такая выстроилась преемственность.

Неистово
~~Нестрашно~~ как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо – где оно?
Лишь лета нежилой каркас
Гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу, полулечу.
Кто там полулетит навстречу.
Друг другу в приоткрытый рот,
Кивком раскланявшись влетаем.
Нет, даже ангела пером
Нельзя писать в такую пору:
"Деревья заперты на ключ —
Но листьев, листьев шум откуда?"

Сначала дипломная работа, потом восемь лет работы над диссертацией. За столько лет «общения» с Леонидом Аронзоном, ощущаете ли Вы некое родство с ним?

Это сложный вопрос. Заманчиво сказать «да». Но все же на мой взгляд для лучшего понимания важно сохранить какую-то дистанцию. Наверно, в творческом плане я знаю его лучше, чем любого другого автора, хотя занимался и другими.

А мне кажется, что между вами есть общее. Леонид Аронзон при жизни практически не публиковался в открытой печати, официальная публикация на родине появилась лишь через двадцать лет после его смерти. В Вашем случае в 1997 году при содействии литературоведа Ильи Кукуя в Германии была выпущена ваша первая книга стихов и прозы – тиражом 10 экземпляров. Что значило для Вас то первое издание?

Это был самиздат. Мы сделали ту книжку дома. Это было здорово.

Следующая, уже официальная, Ваша публикация состоялась в 2002 году. За ней последовали другие, в России и за рубежом. Аронзон до этого не дожил. Но прожить литературным трудом не получается и у Вас, Вы преподаете литературу в школе. В этом, конечно, нет ничего зазорного – Пушкину тоже пришлось пойти в коллежские асессоры, но все-таки…

Что касается моих публикаций, то хочу уточнить, что речь идет прежде всего о статьях, а не о стихах. Что же касается второго вопроса, то, признаюсь, я об этом не задумывался. Есть писатели, которым удается жить литературным трудом, но преподаванием занимаются многие.

Петр Казарновский рассказывает о Леониде Аронзоне © NashaGazeta

Илья Кукуй, теперь уже больше немецкий, чем российский литературовед, был Вашим однокурсником, а на Вашей защите он сидел в жюри. Не было неловкости?

Никакой! Мы дружим с 1990 года, о чем Илья сказал на защите, напомнив, что я познакомил его с Якубсонами. Он очень помогал мне в работе и, думаю, профессору Жаккару тоже, став моим неформальным научным руководителем.

Удивительное дело: именно в тот день, когда я узнала о Вашей предстоящей защите, я вычитала в книге Якова Гордина «Пушкин. Бродский. Империя и судьба», что Иосиф Бродский упоминал его в опровержении, направленном им в 1963 году в газету «Вечерний Ленинград». А дальше выяснила, что они не только общались в начале 1960-х (говорят, именно Бродский помог в 1960-м году Аронзону устроиться в ту самую геолого-разведочную экспедицию с печальным финалом), но и что некоторые современники видели в Аронзоне альтернативу Бродскому. Много лет спустя после смерти Аронзона петербургский писатель и критик Владимир Лапенков отметил даже, что «...такой «камерный» поэт, как Леонид Аронзон, не меньший «универсалист», чем Бродский (а влияние на «ленинградскую школу» поэзии оказал, возможно, и большее». Считаете ли Вы оправданным такое сравнение?

Да, есть тенденция такое сравнение наращивать. И с этим надо что-то делать. То, что они дружили, – безусловно. Брат Аронзона, Виталий Львович, вспоминал, что как-то Леонид сказал ему: «Посмотри на нас: мы с Осей – два главных поэта Петербурга». Не уверен, что это была шутка. Если же вчитаться в Аронзона, то понимаешь, что это совсем иная ветвь. Бродский был весь вширь, а Аронзон весь в компрессии, в сжатии. Он – это внутренний взрыв. Интересно обратить внимание и на такую вещь: ни один мемуарист Бродского не упоминает Аронзона, ни один. Это замалчивание странно.

Профессор Жан-Филипп Жаккар в окружении профессоров Т. Смоляровой и К. Абишер комментирует диссертацию © NashaGazeta

На защите Вы очень интересно рассказывали о различных пережитых Аронзоном влияниях. Например, о влиянии Заболоцкого в том, что касается восприятия природы. Но в его «Пустом сонете» явственно слышится «Я вас любил» Пушкина. Есть и прямые отсылки к Пушкину…

Да, золотой век для Аронзона очень важен, он считал его райским…

Рай русской литературы… «Все, что мы трудом творим, было создано до нас», цитировали Вы строки Аронзона. О чем здесь можно говорить: о вторичности или двойственности, двойниках? О родственных душах через поколения?

Я думаю, речь не идет о поколениях. В «было создано до нас» он имеет в виду бога. Там же дальше «густой незнанья дым это все скрывал от глаз» - то есть речь идет о первозданности. Он не считал, что у него были предшественники, он говорил «мы идем за нами». А кто такие «мы»? Это множественность «я». Даже Пушкин для Аронзона – одно из его «я».

То есть он был достаточно самоуверен?

Это странная вещь, которой я вообще не касался в своей работе. Он был ребенком своего времени, после возвращения из эвакуации прошедшим дворовую школу жизни. Он был шпаной, дерзил, рано начал курить, обладал болезненным чувством собственного достоинства и не терпел никакого диктата. Хотя сам, видимо, был к этому склонен. В его прозе проскальзывает нечто хулиганское. Думаю, его очень облагородила его жена.

ПУСТОЙ СОНЕТ

Кто вас любил восторженней, чем я? Храни вас Бог,
ваш вид травы ночной, ваш вид её ручья, чтоб та
полон вашими ночными голосами. Иду на них.

Храни вас Бог, храни вас Боже. Стоят сады, стоят сады, стоят в ночах, и
печаль, чтоб та трава нам стала ложем. Проникнуть в ночь, проникнуть в
Лицо полно глазами... Чтоб вы стояли в них, сады стоят.

Хотел бы я своею печаль вам так внушить, вам так внушить, не потревожив
за, чтоб с небесами сравнить и ночь о саду, и сад в ночи, и сад, что
сад, проникнуть в вас, подпять глаза, подпять гла-
вы в садах, и вы в садах стоите тоже. Хотел бы я,

Леонид Аронзон. Пустой сонет.

Вы упомянули, что Аронзон жил напротив «Большого дома», где в Ленинграде располагался КГБ, и ему было удобно ходить на допросы. В связи с чем его вызывали?

Думаю, по нескольким поводам. Во-первых, по делу Владимира Швейгольца, с которым он дружил. [Студент Педагогического института им. Герцена прозаик В. Швейгольц был осужден за убийство любовницы и получил восемь лет тюрьмы. – Н.С.] А второе – за наркотики.

У евреев нет понятия рая и ада. А Аронзон создавал стихотворный рай, которому и посвящена Ваша диссертация. А ад в его творчестве был?

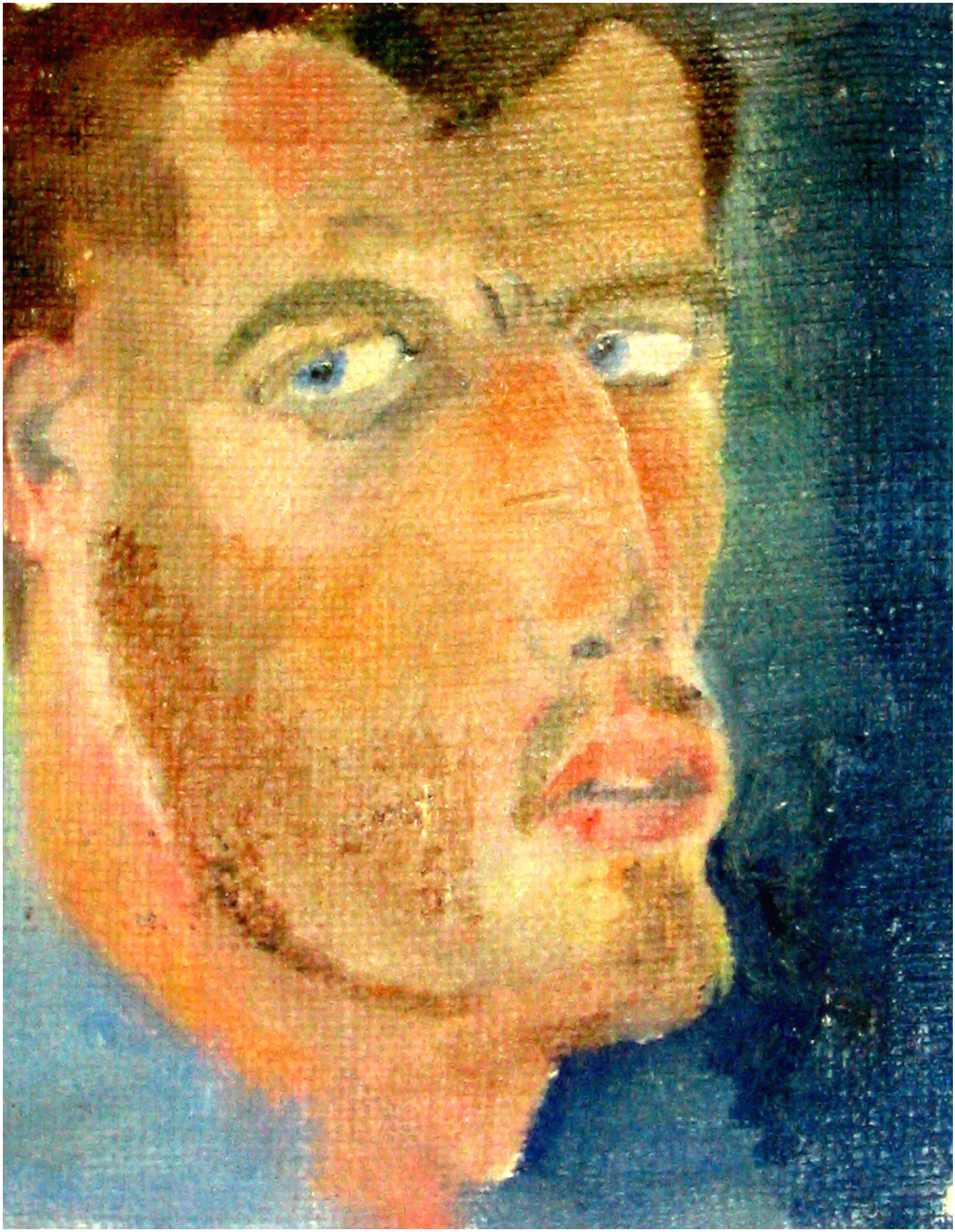
Это очень сложный вопрос. Конечно, религиозность в его творчестве присутствует: Бог, душа, вечность. И смерть – как не конец. Есть ли ад? Может быть, ад – это как раз время. Он же пишет: «Материалами моей литературы будет изображение рая». Этот рай он протипоставляет быту: «Тот быт, которым мы живем, - искусственен, истинный быт наш - рай, и если бы не бесконечные опечатки взаимоотношений - несправедливые и тупые, - жизнь не уподобилась бы, а была раем. То, что искусство занято нашими кошмарами, свидетельствует о непонимании первоосновы Истины». Выходит, быт – это ад.

Рай у Аронзона – это пространство души, оторванность от телесности. «Я созерцал, я зрил и только». Его точка зрения – «из-за», он стоит «вдоль прекрасного сада», но не в нем. Подчеркнутая отстраненность, нежелание быть вовлеченным в быт. А как же обязанность каждого, и особенно поэта, быть гражданином, чему нас учили в школе?

Ничего этого у Аронзона нет, у него вообще ничего современного нет.

То есть формула Евтушенко «поэт в России – больше, чем поэт» – это не про него?

Нет, не про него. Марина Цветаева с этого начинает свое «Слово о Бальмонте», когда пишет, что во всех других прекрасных поэтах было еще что-то **–** важное, очень существенное, Бродский, наверное, из этой плеяды **–** а Бальмонт был в ее глазах только Поэтом. Вот и Аронзон для меня **–** только поэт, не больше и не меньше. Я считаю, что каждый поэт по-особому обращается со словом, по-своему преклоняется ему. Ведь другой поэт сказал «поэт в России – меньше, чем поэт». Все зависит от точки зрения. Мне кажется, что для Леонида Аронзона не существовало степеней сравнения, как не было для него ничего мертвого, а высшее оставалось недосягаемо.

Леонид Аронзон. Автопортрет. 1966-67 гг.

Рай для Аронзона – острое ощущение красоты. Почему же красоте, цитируя классика, никак не удается спасти мир?

Думаю, у Аронзона красота – это надежда, это именно что-то то самое недосягаемое,

к чему можно лишь стремиться. Проникновение в красоту для него бесконечно, она бездонна и не познаваема.

В Вашей диссертации 500 страниц, «поделенных» на 13 глав. Но я знаю, что должна была быть четырнадцатая…

Это правда, глав должно было быть четырнадцать, как строк в сонете. Последняя должна была быть посвящена рисункам Аронзона, но как-то она не вписалась. Могу рассказать, что где-то в 1966 году Аронзон решил учиться рисовать, написал несколько портретов маслом и совершенно потрясающий, на мой взгляд, автопортрет. Потом он сделал книгу размывок, тушь с водой, «Зимний урожай 1969 года». То есть, снег, книга снега с отдельными фразами, двустишиями… Поэзия Аронзона очень визуальна, он часто проецировал в рисунке идею будущего стихотворения.

Одинокость – уникальность – единственность – молчание: такая выстраивается цепочка применительно к Аронзону. Молчание, согласно народной пословице, – золото. Но разве смысл существования поэта не именно в «не молчании»?

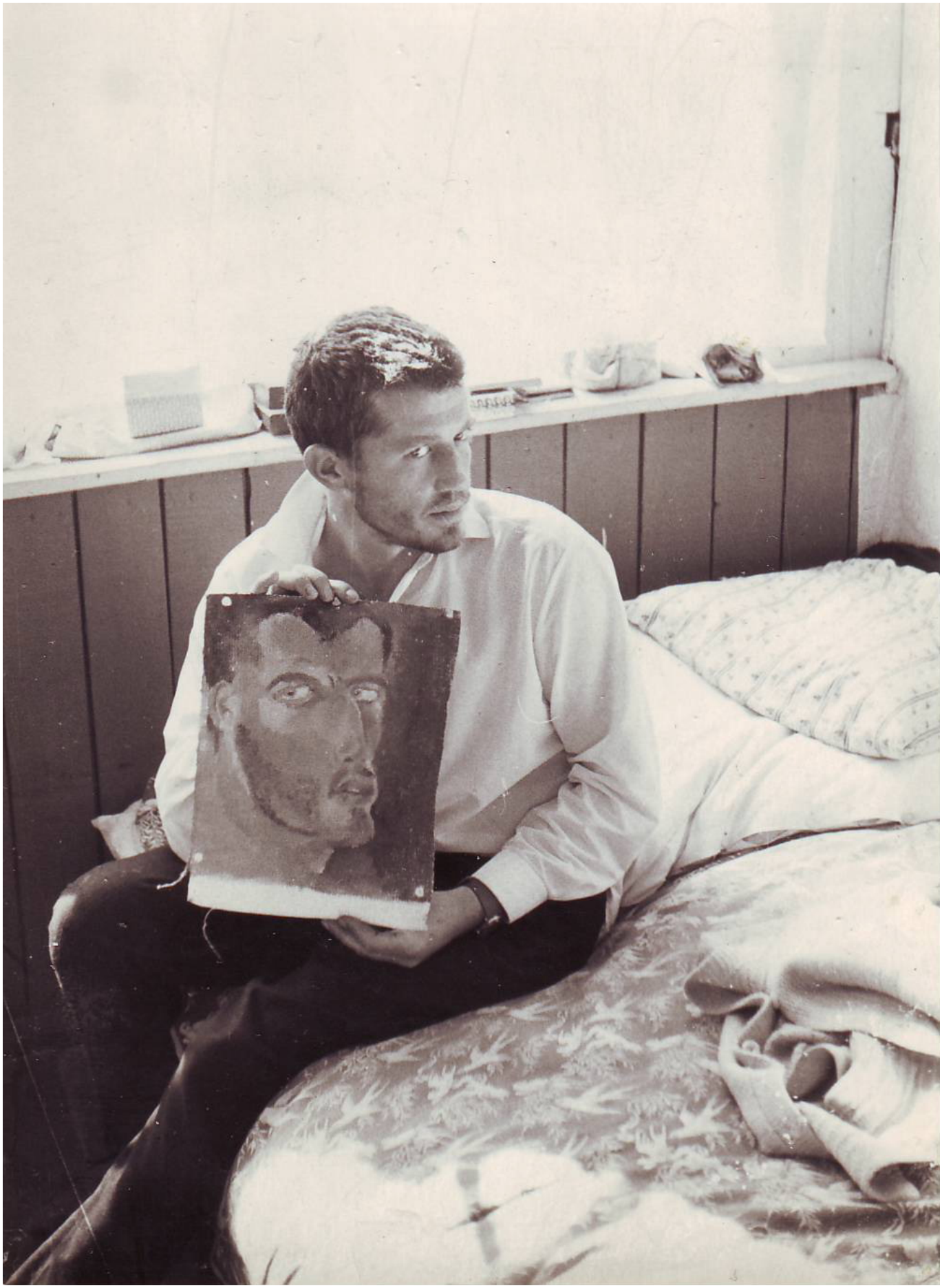
В этом и заключается главный парадокс Аронзон. Есть у него сонет, в котором говорится: «Есть между всем молчание. Одно.» Отсюда же его идея «Пустого сонета», который обрамляет пустоту. Это – одна из форм молчания. Слово способно пройти по краешку пустоты молчания и определить то неприкосновенное место, в котором должен быть портрет бога – не изображаемого у евреев. Тут вспоминается «Белый квадрат» Малевича, о котором Аронзон мог и не знать или знать понаслышке. Разумеется, речь идет не о нашей пустоте, а о пустоте мистиков. Может, здесь есть еврейское ощущение абсолютного потенциала и боязнь воплощения его и объективации. Пустота – это постоянное сдерживание, чтобы не сказать лишнего. Не в смысле «не проговориться», а в смысле «не произнести всуе», то есть в быту. В аду.

Во время обсуждения Вашей работы много говорилось о некоем противопоставлении лирического героя, характерного для многих поэтов, автоперсонажу, которого Вы считаете особенностью Леонида Аронзона. В чем разница? Почему это так важно?

Потому что автоперсонаж – это как бы Аронзон. Я понимаю зыбкость этой предлагаемой мною категории, неких правил игры, которые кто-то может не принять. Но мне кажется это интересным и важным именно в силу «как бы». Автоперсонаж – это как бы орган зрения, который транслирует поэту нечто для дальнейшего озвучивания им. Он может быть и органом сдерживания. Может быть, это автоперсонаж – тот, каким Аронзон хотел видеть сам себя. «Смотреньем на себя красив», пишет он.

Трагический и по-прежнему загадочный конец Аронзона… Лучший ли это исход для поэта?

Не знаю. Но из этого в 1970-е годы родился миф об Аронзоне. Думаю, его жена и мать знали правду, но не говорили. У его брата была идеи подать запрос в архивы Газалкента, но это было дорого, и план не реализовался. Может, это и к лучшему. Лично я думаю, что это был все-таки несчастный случай.

Леонид Аронзон с автопортретом. 1966-67 гг.

Я вычитала, что 12 октября 2019 года, то есть в год его 80-летия и в канун

49 годовщины со дня смерти, в Санкт-Петербурге, на доме в Графском переулке, где с 1963 по 1967 год проживал Леонид Аронзон, был установлен памятный знак с надписью «Райскому поэту Аронзону, влюбленному в красоту!». Инициаторами создания и установки знака выступили, как было написано, местные жители: пенсионер Валерий Петров, учитель Михаил Лоов и композитор Владимир Раннев. Как Вы это объясняете такой интерес к этому далеко не самому известному поэту? Как это совместимо с традиционным антисемитизмом? И как объяснить тот факт, что очень скоро памятная табличка была снята?

Насчет инициативы все правда, учитель Михаил Лоов известен в нашем городе своей активностью. Насколько мне известно, табличка не могла была быть установлена без предварительного опроса жильцов дома – не возражают ли они. Судя по всему, они не возражали. И сняли ее явно не жильцы. А кто – не знаю, но это, конечно, симптоматично.

Петр Казарновский в окружении членов жюри © Antoine Cattin

От редакции: Мы очень надеемся, что монография Петра Казарновского выйдет отдельной книгой и будет переведана на иностранные языки, а пока предлагаем вашему вниманию несколько стихотворений Леонида Аронзона.

***

Есть между всем молчание. Одно.
Молчание одно, другое, третье.
Полной молчаний, каждое оно -
есть матерьял для стихотворной сети.

А слово - нить. Его в иглу проденьте
и словонитью сделайте окно -
молчание теперь обрамлено,

оно - ячейка невода в сонете.

Чем более ячейка, тем крупней
размер души, запутавшейся в ней.
Любой улов обильный будет мельче,

чем у ловца, посмеющего сметь
гигантскую связать такую сеть,
в которой бы была одна ячейка!

(1968)

***

Пустой сонет

Кто вас любил, восторженней, чем я?
Храни вас Бог, храни вас Бог, храни вас Боже.
Стоят сады, стоят сады, стоят в ночах.
И вы в садах, и вы в садах стоите тоже.
Хотел бы я, хотел бы я свою печаль
вам так внушить, вам так внушить, не потревожив
ваш вид травы ночной, ваш вид ее ручья,
чтоб та печаль, чтоб та трава нам стала ложем.
Проникнуть в ночь, проникнуть в сад, проникнуть в вас,
поднять глаза, поднять глаза, чтоб с небесами
сравнить и ночь в саду, и сад в ночи, и сад,
что полон вашими ночными голосами.
Иду на них. Лицо полно глазами...
Чтоб вы стояли в них, сады стоят.

(1969)

Бродскому

Серебряный фонарик, о цветок,
запри меня в неслышном переулке
и расколись, серебряный, у ног
на лампочки, на звёздочки, на лунки.

Как колокольчик, вздрагивает мост,
стучат трамваи, и друзья уходят,
я подниму серебряную горсть
и кину вслед их маленькой свободе,

и в комнате оставленной, один,
прочту стихи зеркальному знакомцу
и вновь забьюсь у осени в груди
осколками, отбитыми от солнца.

Так соберём весёлую кудель,
как забывают горечь и обиду,

и сядем на железную ступень,
на города истоптанные плиты,

а фонари неслышные мои
прошелестят ресницами в тумане,
и ночь по переулку прозвенит,
раскачиваясь маленьким трамваем.

Так соберём, друзья мои, кудель,
как запирают праздничные платья,
так расколись на стёклышки в беде,
зеркальный мой сосед и почитатель.

Фонарик мой серебряный, свети,
а родине ещё напишут марши
и поднесут на праздники к столу,
а мне, мой бог, и весело и странно,

как лампочке, подвешенной к столбу.

(1962?)

***
Боже мой, как всё красиво!
Всякий раз, как никогда.
Нет в прекрасном перерыва.
Отвернуться б, но куда?

Оттого, что он речной,
ветер трепетный прохладен.
Никакого мира сзади:
что ни есть - передо мной.

(Весна (?) 1970 г.)

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/le-paradis-daronzon*